

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dkunilsky@mail.ru

ОБРАЗНЫЕ ФОРМУЛЫ СЛАВЯНОФИЛОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО*

Приведен ряд неучтенных ранее фактов, связанных с публицистикой и художественным творчеством Ф. М. Достоевского. Данные реминисценции представляют собой разнообразные отсылки к идеям славянофилов, зафиксированным в образных формулах. Такого рода формулой является выражение К. С. Аксакова «в публике грязь в золоте, в народе – золото в грязи». Славянофильский образ «золота в грязи» переосмысливается Достоевским в публицистических статьях 1862, 1863 и 1876 годов, а также в романе «Идиот». Отмечается дословное совпадение названных авторов в характеристике романов Тургенева и Гончарова. Еще один незамеченный случай художественного обращения Достоевского к творчеству славянофилов зафиксирован в романе «Братья Карамазовы», где содержится намек на стихотворение А. С. Хомякова «Широка, необозрима...». В качестве связующего звена между Достоевским и славянофилами рассматривается Н. Н. Страхов, чьи мысли о русских нигилистах послужили, как удалось выяснить, материалом для статей Достоевского в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год. Обнаруженные в произведениях Достоевского реминисценции позволяют выделить в его творчестве особый славянофильский идейно-стилевой пласт.

Ключевые слова: творчество Достоевского, славянофилы, реминисценции, публицистика, «золото в грязи», отрицание

Влияние славянофилов на Достоевского велико и многообразно. Комментарии в Полном собрании сочинений писателя (1972–1990) отмечают как случаи прямого цитирования им различных славянофильских текстов, так и постоянное обращение к схожей тематике. Однако целый ряд не лежащих на поверхности историко-литературных реалий до сих пор остался без внимания. В настоящей работе делается попытка выделения у Достоевского особого славянофильского «пласта», состоящего из цитат, реминисценций, образов, понятий, воспринятых писателем у славянофилов или специально характеризующих славянофильство и его приверженцев.

«ЗОЛОТО В ГРЯЗИ»

Одной из таких формул является выражение «в публике грязь в золоте, в народе – золото в грязи» из передовой статьи К. Аксакова «Опыт синонимов. Публика – народ» (Молва. 1857. 14 дек. № 36)¹. В комментариях и Указателе имен, периодических изданий и анонимных произведений в академическом Полном собрании сочинений факт чтения Достоевским этой статьи К. Аксакова не зафиксирован. Между тем знакомство Достоевского с «Опытом синонимов...» очевидно: формула «золото в грязи», характеризующая в аксаковской передовице народ, в переосмысленном виде появляется в статьях Достоевского 1862 и 1876 годов, в которых упоминаются славянофилы и обсуждаются волновавшие их вопросы.

Поскольку этот образ уже был предметом нашего наблюдения [7], то имеет смысл пере-

числить обнаруженные в публицистике Достоевского реминисценции, несколько сократив интерпретационную часть и дополнив их примерами из художественных произведений.

Полностью аксаковская мысль звучит так: «... в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в публике грязь в золоте, в народе – золото в грязи» [1; 403]. Она хорошо передает взгляд славянофильского автора на состояние русского общества после Петровских реформ, когда дистанция между образованным слоем и простым народом резко увеличилась. Необходимо учесть, что выражение «золото в грязи» не придумано К. Аксаковым, своими корнями оно уходит в эпоху античности. Схожие образы встречаются в древнерусских религиозных и светских текстах, а позднее различными вариациями представлены в литературе Нового времени.

1. В статье «Два лагеря теоретиков. (По поводу “Дня” и кой-чего другого)» (Время. 1862. № 2. Отд. II), появившейся в разгар идейного спора со славянофилами, Достоевский подробно разбирает газету И. Аксакова «День», прибегая к очень любопытному художественному сравнению: «Представьте, что человек подошел к безобразной куче сору, где наряду с песком, лохмотьями зарыто много и драгоценностей... <...> И вот вы видите, как та же беспощадная рука, которая отметала грязь, с тою же силою и едкою насмешкой отбрасывает и то, что вы считаете золотом... <...> Это сравнение, кажется, может несколько быть применимо к “Дню”. Отрицательная его сторона, как мы уже сказали, бесспорно – хороша... Но во имя чего он отрицает

в нашей теперешней русской куче сору и хорошего и дурное?...» [6; Т. 20; 11].

Как и в статье Аксакова «Опыт синонимов. Публика – народ», в этом фрагменте также есть золото и грязь (куча сору), однако акценты расставлены иначе. Очевиден полемический характер картины, представленной Достоевским. Основная направленность передовицы К. Аксакова – резкое противопоставление «почтеннейшей» публики «православному» народу, где идеализированный образ народа возвышается над отягченной всевозможными грехами публикой, – оказывается неприемлемой для Достоевского, имевшего к этому времени реальные представления о народе (после каторги, солдатчины). Поэтому позиция славянофилов и братьев Аксаковых, в частности покойного Константина и продолжившего его дело Ивана, представляется Достоевскому «беспощадной рукой», которая часто справедливо указывает на темные стороны русской жизни, но при этом рубит с плеча все вокруг. Получается, что в полемике с «Днем» писатель придавал новую окраску идеям и образам, характерным для ведущих представителей славянофильства.

II. Мысли, отразившиеся в статье «Два лагеря теоретиков...», получили дальнейшее развитие в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1863 год. Однако здесь образ золота в грязи возникает уже в характеристике радикально настроенных западников, с презрением смотревших на простой народ. Отличие от них кружка «Времени» специально подчеркивал Достоевский: «Разумеется, мы вместе с нашими обличителями, и дельными и дешевыми, отвергаем и гнилость иных наносных осадков и исконной грязи. <...> Но мы не хотим вместе с грязью и выбросить золота; а жизнь и опыт убедили нас, что оно есть в земле нашей, свое, самородное, что залегает оно в естественных, родовых основаниях русского характера и обычая, что спасенье в почве и народе» [6; Т. 20; 209–210]. Слова про золото и грязь ведут к образной зарисовке из статьи «Два лагеря теоретиков...» и дальше – к остроумному выражению К. Аксакова.

III. Различные отсылки к славянофильским текстам, конечно же, встречаются не только в публицистике Достоевского, но и в его художественных произведениях. Так, слова князя Мышкина в романе «Идиот» (1868) («откройте русскому человеку русский Свет, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое от него в земле» [6; Т. 8; 453]) являются очередным повторением излюбленной славянофильской формулы, также не попавшим в поле зрения комментаторов². Неслучайно один из собеседников князя, Иван Петрович, выслушав его пылкую речь, «выразился, между прочим, что “молодой человек сла-вя-нофил, но что, впрочем, это неопасно”» [6; Т. 8; 459]. На эту мысль Ивана Петровича навели характерные для славянофильства

идеи князя Мышкина о необходимости обрести родную землю, почву, о великом предназначении русского народа, однако среди общих для всей русской партии размышлений появляется конкретный славянофильский образ золота в грязи. Дальнейшее поведение князя Мышкина, его неуклюжесть (случай с китайской вазой), сентиментальность, неумение сдерживать себя отчасти напоминают психологический тип Константина Аксакова, обрисованный в многочисленных воспоминаниях современников.

IV. В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский вновь вспоминает Константина Аксакова, а вместе с ним – и его выражение про золото и грязь. Имя славянофильского публициста появляется в подглавке «О любви к народу. Необходимый контракт с народом». Сама тема подталкивает писателя к тому, чтобы обратиться к наследию К. Аксакова, в первую очередь к только что опубликованной его статье «О современном человеке». Позволим себе указать на переклички данной статьи Достоевского с другими работами К. Аксакова, не представленные комментаторами.

«Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты» [6; Т. 22; 43]. Спустя годы Достоевский здесь вновь прибегает к афористическому выражению Аксакова. Писатель не оспаривает мысль Аксакова, как это делалось в «Двух лагерях теоретиков...», а наоборот, почти дословно повторяет ее, но не целиком, а только позитивную ее составляющую («в народе – золото в грязи»), заменяя золото бриллиантами.

Образ «золота в грязи» принадлежит к сфере тех малоизученных понятий, которые часто использовались критиками и полемистами благодаря своим яркости, звучности и многозначности. По свидетельству Н. Н. Страхова, в 1861 году Достоевский «был... почти вовсе незнаком» с трудами славянофильских авторов [10; 204]. На основании письма Достоевского к брату от 8 (20) сентября 1863 года принято считать, что с наследием славянофилов писатель познакомился только в 1863 году. Однако обнаруженная в статьях Достоевского устойчивая аллюзия на формулу К. Аксакова позволяет поставить вопрос о времени знакомства Достоевского с основами славянофильского учения и отнести его самое позднее к 1862 году.

«СОПРИКОСНОВЕНИЕ С НАРОДОМ»

Еще один случай творческого диалога с К. Аксаковым в статье «О любви к народу...» наблюдается среди размышлений Достоевского о современной литературе: «Не буду упоминать о чисто народных типах, появившихся в наше вре-

мя, но вспомните Обломова, вспомните “Дворянское гнездо” Тургенева. Тут, конечно, не народ, но все, что в этих типах Гончарова и Тургенева векового и прекрасного, – все это от того, что они в них *соприкоснулись с народом*; это *соприкосновение с народом придало им необычайные силы*» [6; Т. 22; 44]. В аналогичном контексте имя Тургенева упоминается в «Трех критических статьях г-на Имрек», где в авторском примечании К. Аксаков говорит о начинающем тогда писателе следующее: «Мы должны указать на появившийся в 1 № “Современника” превосходный рассказ г. Тургенева “Хорь и Калиныч”. Вот что значит *прикоснуться к земле и к народу*: *вмиг дается сила!* Пока г. Тургенев толковал о своих скучных любовях да разных апатиях, о своем эгоизме, – все выходило вяло и бесталанно; но он *прикоснулся к народу*, прикоснулся к нему с участием и сочувствием, и посмотрите, как хорош его рассказ!» (курсив мой. – Д. К.) [1; 146–147]. Совпадения почти дословные. Это сочинение Аксакова несомненно было памятно Достоевскому – там разбирались «Бедные люди» и «Двойник», а, как известно, писатель всегда интересовался откликами на свои произведения.

Таким образом, для подглавки «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» исходным материалом служит не одна, а по крайней мере три работы К. Аксакова: «О современном человеке», «Опыт синонимов. Публика – народ», «Три критические статьи г-на Имрек».

«ШИРОКА, НЕОБОЗРИМА...»

Не меньшее значение, чем личность К. Аксакова, представляли для Достоевского имя и творческие идеи А. С. Хомякова. Принадлежащая Хомякову поэтическая строка, в которой Европа была названа «страной святых чудес», запала глубоко в душу Достоевского. Эта зафиксированная исследователями цитата появляется и в его публицистике («Дневник писателя» за 1876 и 1877 годы), и в художественном творчестве («Подросток»), и в произведении смешанного жанра («Зимние заметки о летних впечатлениях»). Но внимание писателя остановило на себе и другое стихотворение Хомякова, о чем свидетельствует глава «Кана Галилейская» из романа «Братья Карамазовы», где рассказывается о переживании Алешки, связанных с кончиной его любимого наставника. Обратимся к тексту этой главы. Над вышедшим из кельи Алешей, говорится в романе, «широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд» [6; Т. 14; 328]. Эта картина представляет собой реминисценцию из стихотворения Хомякова «Широка, необозрима...», опубликованного в 1858 году на страницах журнала «Русская беседа», знакомого Достоевскому. Вероятность простого совпадения, случайного подбора слов исключается смысловой близостью двух текстов, прозаического

и поэтического, в каждом из которых говорится о великих событиях в земной жизни Христа. В стихотворении Хомякова за основу взят евангельский рассказ о торжественном въезде Господа в Иерусалим, откуда Ему навстречу:

Широка, необозрима
Чудной радости полна
.....
Шла народная волна.

В праздничной толпе особняком стоял книжник, который спрашивал находившихся рядом с ним людей:

Это ль царь ваш? слабый, бледный,
Рыбаками окружен?
Для чего он в ризе бедной?
И зачем не мчится он,
Силу божью обличая,
Весь одевая черной мглой,
Пламенея и сверкая,
Над трепещущей землей? [12; 142]

Эти строки несут в себе мысль о кенозисе Христа, Его умалении и снисхождении к людям в уязвимой телесной оболочке. Унижения, которым подвергается Зосима, сомнения в его святости заставляют провести параллель со страданиями Христа и Его образом в стихотворении Хомякова. Следует отметить, что сборник «Стихотворения А. С. Хомякова» (М., 1861; 2-е изд. М., 1868), в состав которого вошло стихотворение «Широка, необозрима...», имелся в библиотеке Достоевского [4; 98].

Н. Н. СТРАХОВ И РУССКОЕ ОТРИЦАНИЕ

Мощной философской и естественно-научной подпиткой для творчества Достоевского служила деятельность его многолетнего сотрудника и собеседника, «одного из славянофилов»³, Н. Н. Стрхова. Другое дело, что, используя его идеи, Достоевский по разным причинам не торопился раскрывать имени настоящего автора. Этот факт наглядно иллюстрируется главками июньского «Дневника писателя» за 1876 год – «Мой парадокс» и «Вывод из парадокса», где детально рассмотрена одна характерная черта русского западничества. «...Как же не любопытно такое явление, – задается вопросом автор “Дневника писателя”, – что те-то именно русские, которые наиболее считают себя европейцами, называются у нас “западниками”.... те-то скорее всех и примыкают к отрицателям цивилизации, к разрушителям ее, к “крайней левой”... ?» [6; Т. 23; 39]. Достоевский имеет в виду увлеченность русских идеями радикального социализма, готовность встать скорее на сторону европейских революционеров, чем на сторону консерваторов.

Свою мысль о парадоксальности русских западников Достоевский преподносит как что-то абсолютно новое, никем доселе незамеченное. «Как же не любопытно... что это вовсе никого в

России не удивляет, даже вопроса никогда не составляло?» [6; Т. 23; 39]. Комментаторы академического 30-томника, подробно рассмотрев другие отсылки к текстам современников, оставили этот вопрос без внимания. Но еще до появления статей Достоевского ту же проблему наметил большой знаток разных идейных течений Страхов. В книге «Бедность нашей литературы», опубликованной в 1868 году, Страхов назвал последнюю эпоху общественного развития периодом нигилизма, или «отрицанием русской жизни вместе с отрицанием европейской» [9; 48]. С присущей ему доказательностью автор так пояснял свою мысль: «Человек, скептически относившийся к православию, по сущности дела не мог питать прочного благоговения к католицизму. <...> Запад сам учил нас, что его формы преходящие, что все подчинено течению, изменению, прогрессу... Мы поверили всюю душою теории прогресса, которая утверждала, что рано или поздно не останется в старой Европе камня на камне; мы не захотели исповедовать то, что должно было скоро отжить и разрушиться, и прямо примкнули к новому, к будущему, к надеждам и порываниям вперед» [9; 48–49]. Собственно, прилагать термин «отрицание» ко взглядам и поступкам западников было характерно уже для старших славянофилов и Ивана Аксакова⁴. Страхов здесь углублял и развивал то, что было наработано авторитетными для него предшественниками.

Еще в 1864 году на страницах «Эпохи» Страхов сочувственно цитировал определение нигилизма, предложенное в газете И. Аксакова «День»: «Нигилизм есть естественный, законный, исторический плод того *отрицательного* отношения к жизни, в которое стала русская мысль и русское искусство с первого шага своей деятельности после Петра. <...> Это отрицание должно дойти, наконец, до отрицания самого себя» [11; 452]. Страхов же прослеживает отрицание русскими западниками традиционных европейских ценностей, что более соответствует «парадоксальной» мысли Достоевского из «Дневника писателя».

Достоевский хорошо знал книгу «Бедность нашей литературы» и когда-то восторженно о ней отзывался. В 1869 году, спасаясь от кредиторов за границей, Достоевский писал автору брошюры: «Вы в эти два-три года *почти молчания* Вашего сильно выиграли, Николай Николаевич. Это мое мнение, судя по Вашим “Бедность” и статье в “Заре”. Я всегда любовался на ясность Вашего изложения и на последовательность; но

теперь, по-моему, Вы стоите несравненно крепче» [6; Т. 29/1; 16]. Почему же тогда Достоевский никак не упоминает о столь понравившейся ему книге, содержание которой он вряд ли забыл?

Конечно, за семь лет, прошедших с момента, когда Достоевский читал «Бедность нашей литературы», многое могло стереться из памяти. Но все-таки более вероятным кажется другое объяснение. Достоевский, охотно ссылаясь на Аполлона Григорьева, сознательно умалчивает о Страхове. Как раз в это время отношения писателей вновь разладились. Формальной причиной была публикация романа «Подросток» в некрасовских «Отечественных записках» (1875 год). Страхов, подобно А. Н. Майкову, не мог приветствовать контакты Достоевского с публицистами радикального лагеря. С этой ситуацией связан отзыв о Страхове, содержащийся в письме Достоевского к жене от 11 февраля 1875 года: «Нет, Аня, это скверный семинарист и больше ничего; он уже раз оставлял меня в жизни, именно с падением “Эпохи”, и прибежал только после успеха “Преступления и наказания”» [6; Т. 29/2; 16–17]. Вслед за тем пойдут еще более уничижительные характеристики в записных тетрадах Достоевского [6; Т. 23; 239–240]⁵.

О Страхове Достоевский помнит и использует его идеи в полемических целях. В том же «Дневнике писателя» за 1876 год появляется ряд публикаций, посвященных женскому вопросу. Одна из них без упоминания имени Страхова цитирует фрагмент его брошюры «Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля “О подчинении женщины”» [6; Т. 23; 88]. Нежелание прямо сослаться на старого приятеля Достоевский объясняет в записной тетради 1876–1877 годов: «*Страхов*. Англичанка совершенная женщина. Не говорю, откуда выписка и чья, потому что не имею времени разобрать брошюру» [6; Т. 24; 237]. Чуть ниже Страхов назван «сочинителем трех-четырёх скучненьких брошюр», в число которых, очевидно, входила и «Бедность нашей литературы» [6; Т. 24; 240].

Обнаруженные в произведениях Достоевского реминисценции дают возможность говорить о влиянии на него славянофильских взглядов, используя новые конкретные детали и наблюдения. Совершенно очевидно, что наряду с «пушкинским» или евангельским идейно-стилевыми пластами в творчестве писателя значительное место занимает пласт «славянофильский». Изучение этого компонента в наследии Достоевского представляется насущной задачей.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Создание и развитие деятельности Центра новых филологических исследований» Программы стратегического развития на 2012–2016 годы «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития» (ПетрГУ).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Передовица «Молвы» обратила на себя внимание многих мыслящих людей и вызвала неудовольствие императора Александра II [3; 284–285]. Из круга близких знакомых Достоевского с «Опытом синонимов...» был точно знаком Аполлон

Григорьев [2; 221] (см. также [5; 358–359]). Именно Григорьев или его ученик Н. Н. Страхов, следившие за деятельностью славянофилов, могли указать Достоевскому на эту аксаковскую работу.

² Своеобразную пародию на интересующую нас формулу встречаем и в романе «Братья Карамазовы», где обладающий определенной смысловой наполненностью образ золота в грязи помещен в сниженный контекст. «...Но я всегда переулычился любил, глухие и темные закоулки, за площадью, – там приключения, там неожиданности, там *самородки в грязи*. Я, брат, аллегорически говорю» (курсив мой. – Д. К.), – признается Митя Карамазов [6; Т. 14; 100].

³ «О борьбе с Западом, в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов (Н. Страхов)» – так называлась статья В. В. Розанова, впоследствии вошедшая в его книгу «Литературные изгнанники» (СПб., 1913. Т. 1).

⁴ Например, в неопубликованном при жизни К. Аксакова отрывке «Рабство и свобода» отмечалась склонность Белинского к «пустому голому отрицанию»; схожая оценка дана и статьям Добролюбова, обратившим на себя внимание славянофильского автора: «Сколько детского отрицания! <...> Прочтите критику какого-то – бов: в ней это особенно видно» [1; 482].

⁵ О взаимоотношениях Достоевского и Страхова см. [8; 40–45].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. 526 с.
2. Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. Влад. Княжнина. Пг.: Издание Пушкинского Дома при Академии Наук, 1917. 413 с.
3. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. Кн. 15. 522 с.
4. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
5. Воспоминания Аполлона Григорьева и воспоминания о нем. М.; Л.: Academia, 1930. 669 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Кунильский Д. А. Славянофильская формула К. С. Аксакова в публицистике Достоевского // Русская литература. 2012. № 1. С. 92–101.
8. Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981. 368 с.
9. Страхов Н. Н. Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк. СПб.: В тип. Н. Неклюдова, 1868. 74 с.
10. Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. Т. I. С. 179–329 (первая пагинация).
11. Страхов Н. Н. Из истории литературного нигилизма 1861–1865. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1890. 596 с.
12. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л.: Сов. писатель, 1969. 596 с.

Kunil'skiy D. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

IMAGE-BEARING EXPRESSIONS OF SLAVOPHILES IN DOSTOEVSKY'S WORKS

The article presents a range of previously unaccounted facts related to political essays and literary works of F. M. Dostoevsky. These reminiscences represent various references to Slavophiles' ideas fixed in image-bearing expressions. One of such expressions is K. S. Aksakov's phrase "Publika (nobility) – dirt in gold, folk – gold in the dirt". The Slavophile image of "Gold in the dirt" is reconsidered by Dostoevsky in his articles dd. 1862, 1863 and 1876, as well as in his novel "The Idiot". Further we notice the "word-for-word" concurrence of the named authors in characterization of Turgenev and Goncharov's novels. One more unnoticed episode of Dostoevsky's literary reference to the works of Slavophiles is recorded in the novel "The Karamazov Brothers". This novel contains a veiled reference to A. S. Khomyakov's poem "Shiroka, neobozrima...". N. N. Strakhov is regarded as a link between Dostoevsky and Slavophiles. It was found out that Strakhov's thoughts on Russian nihilists were used as a matter for Dostoevsky's articles in "A Writer's Diary" dated June 1876. The reminiscences that were found in the works by Dostoevsky allow identification of the special Slavophile-related ideological and stylistic stratum in his oeuvre.

Key words: Dostoevsky's works, Slavophiles, reminiscences, political essays, "gold in the dirt", negation

REFERENCES

1. Aksakov K. S. *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995. 526 p.
2. *Apollon Aleksandrovich Grigor'ev. Materialy dlya biografii* [Apollon Aleksandrovich Grigor'ev. Materials for the Biography]. Petrograd, Pushkin House Publ., 1917. 413 p.
3. Barsukov N. P. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [The life and works of M. P. Pogodin]. Books 1–22. St. Petersburg, M. M. Stasyulevich's Publ., 1901. Vol. 15. 522 p.
4. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisaniye* [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p.
5. *Vospominaniya Apollona Grigor'eva i vospominaniya o nem* [Memoirs of Apollon Grigor'ev and Memoirs about Him]. Moscow; St. Petersburg, Academia Publ., 1930. 669 p.
6. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy v tridsati tomah* [Complete Works in Thirty Volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990.
7. Kunil'skiy D. A. *Slavophile's Formula by K. S. Aksakov in Dostoevsky's Political Essays* [Slavyanofil'skaya formula K. S. Aksakova v publitsystike Dostoevskogo]. *Russkaya literatura* [Russian literature]. 2012. № 1. P. 92–101.
8. *Rozenblyum L. M. Tvorcheskie dnevniki Dostoevskogo* [Dostoevsky's Diaries]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 368 p.
9. *Strakhov N. N. Bednost' nashey literatury. Kriticheskiy i istoricheskiy ocherk* [The Bareness of Our Literature. Critical and Historical Essay]. St. Petersburg, N. Nekhludov's Publ., 1868. 74 p.
10. *Strakhov N. N. The Memoirs about F. M. Dostoevskom* [Vospominaniya o Fedore Mikhayloviche Dostoevskom]. *Polnoe sobranie sochineniy F. M. Dostoevskogo*. St. Petersburg, A. S. Suvorin's Publ., 1883. Vol. 1. P. 179–329.
11. *Strakhov N. N. Iz istorii literaturnogo nigilizma 1861–1865* [From the History of Literary Nihilism]. St. Petersburg, Brothers Panteleev's Publ., 1890. 596 p.
12. *Khomyakov A. S. Stikhotvoreniya i dramy* [Poems and Drama]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1969. 596 p.

Поступила в редакцию 25.01.2013